

И какой, простите, подлец придумал сию науку — психологией называется... Вообще-то, раньше науки всякие изобретались, чтоб облегчить жизнь простому человеку. Да-с. Вот математика, к примеру, нужна, чтоб хорошо уметь денежки считать; физика — чтоб, когда в доме погаснет свет, не совать пальцы в розетку, проверяя, есть ли напряжение... Химия — чтоб знать, почему нельзя водку смешивать с пивом... А психология-то для чего?!

Я вам скажу: да чтоб добрым людям голову морочить!

Нет, полистать книженцию там какую-нибудь по психологии можно, конечно, — так, для развлечения, чтоб после пыль в глаза своими познаниями пустить, — но применять для жизни?.. Избави Бог! Потому что любой умный человек, ну, то есть, который с мозгами, — сам себе психолог. А ежели всех ученых умников слушать, то можно так запутаться в собственных взаимоотношениях с обществом, что ум за разум зайдет.

Только понял я это, к сожалению, слишком поздно.

Учился я тогда на вечернем отделении журфака и к радости моей смог устроиться на работу в редакцию одной популярной рекламно-информационной газеты, в отдел объявлений. Выходило издание весьма приличным тиражом

и носило название «Что, Где, Почему». Хорошая такая газетенка, пользовалась спросом у читателей, так как в ней можно было найти все: как устроиться на работу, где найти хороших мастеров по ремонту квартиры, что где продается и почему. А также имелись странички со свежими губернскими новостями.

Объявления принимались от организаций и частных лиц.

А заработная плата рядовых сотрудников зависела, разумеется, от количества принятых ими объявлений.

Моя университетская преподавательница по гражданскому праву, по чьей рекомендации меня взяли на работу — она же жена нашего мэра — поручилась за меня перед руководством, охарактеризовав как знающего, ответственного и порядочного парня, и отношение ко мне со стороны начальства с самого начала установилось дружеское и доверительное.

И вот как-то приходит ко мне клиент — примите, мол, платное объявление следующего содержания: «Что, Где, Почему» — газета ни о чем!» Видимо, зуб имел на газетенку за что-то.

Требуется крупный жирный шрифт и оплачивает по тройному тарифу. А не принять, дескать, не имеете права!

Что делать?.. Пришлось оформить заказ.

Ровно через четыре дня вышел очередной номер газеты.

Вот тут все и началось!

Начальник мой, Василий Афанасьевич, был просто взбешен!

— Я вас по протекции уважаемого человека взял, — брызгая слюной, орал он на весь офис. — А вы такое безобразие себе позволяете! Неблагодарный болван! На конкурентов работаешь, отвечай?! Бездарь несчастный!.. ну и так далее.

Я, краснея и заикаясь, пытался оправдаться, но тщетно.

В общем, с этого самого дня невзлюбил меня начальник и стал усиленно искать повод от меня избавиться. Я и так, и эдак, и план, и сверх плана — а он все равно как удав на кролика на меня смотрит, только проглотить не может.

Тогда я, желая реабилитировать свою профессиональную честь, взял и тайно, будто бы от одного из клиентов, разместил в рубрике объявлений (за свои кровные денежки, между прочим) восторженное: «В любое ненастье, и ночью и днем придет вам на помощь «Что, Где, Почему!» И еще кучу лестных слов в адрес родной газеты приписал. Да в стихах! Да на полстраницы!

В день выхода номера шел на работу бодрый, радостный, предвкушая вплоть до мельчайших деталей, как рассыплется предо мной в словесах благодарности мой своенравный начальник.

Да только фигушки...

Во-первых, как потом выяснилось, редакторы конкурирующих изданий по выходу самовосхвалительного номера «Что, Где, Почему» стали присылать шефу по электронной почте насмешливо-издевательские поздравления; на телефон приходили язвительные эсэмэски с восторженными отзывами по поводу редакторской гениальности в вопросах саморекламы.

Теперь насмешки сыпались на бедного начальника со всех сторон — так что о Василии Афанасьевиче вскоре заговорил весь город.

Шеф, несмотря на мою конспирацию, быстренько вычислил, откуда ветер дует и, лишь только завидев меня в коридоре и не дав даже рта раскрыть, ухватил за рукав, затащил в свой кабинет и устроил рзынос. Этот газетный «удав» (между прочим, как я теперь убедился, ничего не смыслящий в поэзии) кричал, как сумасшедший, махал волосатыми кулаками перед моим носом — а я, мелко дрожа, как затравленный кролик, тупо и молча стоял навтыжку пред этой трясущейся от гнева начальственной глыбой.

Высочил я от шефа, как ошпаренный, и, миновав строй любознательных сотрудников, отчего-то столпившихся под дверью начальственного кабинета, побежал по коридору, ведущему напрямик к давно облюбованной нашими курильщиками уютной лоджии.

Там с блуждающей улыбкой, устремив мечтательный взгляд вдаль — город великолепно просматривался с высоты нашего двенадцатого этажа, — пускала в небо кольца дыма моя коллега, Маринка. Она была хорошей девчонкой. Относились ко всем по-доброму и нередко помогала мне в вопросах обработки рабочего материала.

Марина, скинув меня своим пронизательным взглядом, молча протянула мне сигарету. Я прислонился спиной к косяку и с наслаждением затянулся. Смертельно захотелось «поплакаться в жилетку».

Надо сказать, была у этой девушки одна страстишка, и касалась она вышеупомянутой психологии. Маринке так полюбилась эта наука, что к месту и не к месту, да только любой разговор с нею невольно перетекал в соответствующее русло. А там уж она чувствовала себя крепкой лодчонкой в бурном потоке дебатов, и легко обходила его острые камни и опасные пороги.

Так вот, посоветовала мне Маринка, для того чтобы наладить отношения с начальством, обратиться к науке психологии; дала кое-какие предварительные рекомендации, ценные советы. И искренне пожелала мне удачи.

Замусоленную от многократного пользования книжку по психологии, принесенную моей советчицей на следующий день, я проштудировал от корки до корки. Но вот действовать пока не решался.

А между тем шеф мой вконец озверел. Выгнать меня он, конечно, не решался — как-никак я считался протеже женушки самого мэра! — но лелеял мечту вынудить меня собственноручно написать заявление об увольнении и прилагал к этому массу усилий.

А мне вот, черт побери, моя работа нравилась! И я вовсе не собирался уходить!

Чего только наш шеф, Василий Афанасьевич, ни предпринимал! И засекал мои редкие опоздания, и тыкал в нос моими орфографическими ошибками, и выскакивал в лоджию, где мы устраивали перекуры, дабы уличить в растрате драгоценного рабочего времени — да много чего еще.

Я же вел себя осторожно, подчеркнуто уважительно, согласно «теории психологии конфликта с начальством» выбрав способ, именуемый «Партизан на допросе». То есть во время «разноса» демонстративно молчал и даже не кивал головой — это чтобы, как гласит наука, остудить злящегося.

Но однажды мое терпение лопнуло.

...Как-то, стоя навтыяжку в кабинете шефа и выслушивая очередной разнос, я не выдержал, почувствовав вдруг, как во мне зарождается другой человек — твердый, решительный, которому тут же захотелось подчиниться. К месту вспомнилось, как книжные психологи предупреждали, что постоянно избегать решения проблем попросту нельзя! А мой излюбленный метод «партизан на допросе» уже не срабатывал, и мне светило оказаться вскоре в роли «партизана перед казнью».

Мысленно согласуя свою речь с правилами психологии, я четко и твердо начал выдвигать линию защиты. Я намеренно замедлял свою речь (это один из способов повысить убедительность речи, которая при этом выглядит торжественней и влиятельней, и уменьшает выброс адреналина у оратора), делал многозначительные паузы и т.д.

Шеф заткнулся и смотрел на меня с недоумением, гадкой брезгливостью и ненавистью одновременно — таким он меня еще не знал.

Я последовательно перечислил начальнику все свои творческие успехи за последнее время, количество наработанного материала — здесь я был в числе первых, а также выразил обиду по поводу несправедливых обвинений. Свой первый просчет, обернувшийся для меня почти катастрофой, я давно уже признал и покаялся. Но сколько же можно этим попрекать, в самом деле?

Я видел, как брови шефа, до того грозно сомкнутые на переносице суровой латинской «v», распрямляясь, поползли вверх и застыли на середине лба. Его терпению настал конец. На меня вновь обрушился град упреков, предвзятых обвинений и поносных слов.

Боже мой, что же я опять сделал не так, не по правилам, усиленно соображал я?..

Вспомнил. Во время речи надо было больше двигаться, а не стоять истуканом. Одно из правил убедительности речи гласило: если вам не нравится ситуация — больше движения. А мне не то чтобы она не нравилась, эта самая ситуация — я уже был готов просто разорвать этого тупого, злого, несправедливого человека, каждодневно пьющего мою молодую кровь!

Тут как раз скрипнула дверь, и в комнату заглянула уборщица — тихая сухонькая женщина в годах, в примелькавшейся легкой косыночке, повязанной назад, синем рабочем халате и со своим бесшумным нехитрым инструментом в руках... Решение пришло мгновенно.

Выхватив у ничего не подозревавшей уборщицы веник, я сделал два решительных шага к столу шефа, широко размахнулся и... по-утиному крикнув, опустил его на лысину начальника.

Веник был свойский, российский, не чета всяким там китайским — пышный, добротный, вязанный две недели назад в деревне Шепетовка любимым батюшкой нашей технички — других веников она не признавала. Только, несмотря на такую завидную родословную, по комнате во все стороны полетели ошметки.

А между тем в моей разгоряченной памяти выстраивались ключевые моменты «Теории ссоры с боссом».

Способ первый. «Сладкие речи».

Здесь рекомендуется улыбаться как можно шире, делать физиономию как можно слаще...

...С каким-то радостным остервенением я заехал по зеркальной макушке шефа еще два раза. В это же время тот, другой — уважительный, терпеливый и осторожный, продолжал следовать бесценным рекомендациям нашей общей подруги и не забывал медоточивым голосом, сладкоголосо приговаривать: «Я люблю тебя, начальник!.. Я люблю тебя!.. Люблю!»

Нас с начальником разделял широкий массивный стол, а чтобы удобнее было дотягиваться до макушки шефа, я налег на его край — и моя грудь очутилась прямо перед физиономией моего начальника.

Теперь в нескольких сантиметрах от его жирного носа на белой рубашке взбешенного придурка — то есть меня — моталась и переливалась перламутром плохо пришитая и готовая вот-вот оторваться пуговица. Кажется, только она занимала сейчас сознание остолбеневшего шефа, не позволяя переключиться на что-то другое, более важное, что происходило сейчас с ним вопреки его желанию. Проклятая пуговица, как коварная змея, извивалась и гипнотизировала своими темными глазницами, не позволяя несчастному увернуться от ударов, да и просто-напросто прекратит это вопиющее безобразие.

Одновременно в раскрасневшиеся до пурпура и торчащие, как у Винни-Пуха, в разные стороны большие уши главного редактора скрипучим контральто влетало нечто непостижимое: «Я люблю тебя, я люблю тебя...» Это еще больше сбивало

его с толку, не позволяя сосредоточиться и осознать, что же, в конце концов, происходит.

Пол вокруг стола уже был обильно усыпан семенами и веточками веника.

Наконец бедный редактор, кажется, пришел в себя, заморгал маленькими по-росячьими глазками и приоткрыл было рот, чтобы сказать что-то, да не успел...

«Молчать! — отчаянно крикнул я, вперившись сумасшедшими глазами в свою жертву. — Молчать!.. Мой шеф... обожаю вас... страдаю по вам... Страдаю, страдаю, страдаю...»

На этом слове меня, как говорится, заело. Я повторял одно и то же, как заезженная пластинка, несколько раз. Менялась лишь интонация, с каждым разом становясь все более жесткой, ироничной, изменяя смысл на противоположный тому, какой имела в начале. Метод «Сладкие речи» грозился перейти в другую, критическую фазу под названием «Камикадзе» (кричите, материтесь, показывайте неприличные жесты — хоть душу отведете).

Сознание окончательно вернулось к начальнику... «Верить этому придурку или не верить?..» — первая ясная мысль, посетившая его после невольной амнезии.

Окончательно он пришел в себя после моей угрозы:

— Придушу... любимый мой... гад... достал уже, мерзавец...

Из газеты меня выгнали.

Маринка, узнав о случившемся, сильно смутилась и сообщила, что пересмотрела свои взгляды на науку психологию, потому что поняла, что в некоторых случаях лучше все же опираться на йогу. И с таким же энтузиазмом, как некогда рассказывала мне о психологии, приступила к увлекательнейшей лекции по йоге.

Эх, думал я, слушая Маринку, зря купился тогда на эту дурацкую психологию. Вот в йоге молчание — золото! А в этой дурацкой психологии шибко много языком мелют — вот и наговорил... на свою голову.

ПОТЕШНИК

Проживая на одной из старых городских улиц, неподалеку от театра, Дарья Ивановна любила хаживать на работу через старый, утопающий в тени старых раскидистых лип и кленов да посаженных совсем недавно кокетливых молодых березок уютный тихий сквер: с зелеными бархатными газонами, старинным фонтаном, где в тенечке на тяжелых старомодных лавочках сживали пенсионеры, а по аллеям прогуливались молодые мамы с колясками. По вечерам их сменяли влюбленные пары.

В эти мгновенья она чувствовала себя счастливой. Но теперь...

Этот молодой актеришка, этот шут гороховый выводил ее из равновесия — и она разозлилась, вспоминая о неприятностях, свалившихся в последнее время на ее седеющую голову.

Господи, ну за что?! За какие грехи на старости лет это испытание! И откуда только этот паршивец взялся — этот щенок... остолоп, разгильдяй! Множество других не менее выразительных эпитетов в адрес некоего юного «актеришки» кружились в мозгу у Дарьи Ивановны. Душу всю вытряхнул, аспид!

Дарья Ивановна уже лет пятнадцать как трудилась помощником режиссера в театре. Работу свою любила — да здесь и нельзя иначе. Налитая телом, гренадерского телосложения — размер ноги 42, с низким, прокуренным и скрипучим голосом, как у киноактрисы Юлии Рутберг, она награждала свирепым пронзительным взглядом каждого, кто осмеливался покуситься на святая святых — дорогой ее сердцу театр.

Бывшая актриса, не сыскавшая, правда, в свое время актерской славы, она

нашла себя на новом поприще, и не было, пожалуй, в театре человека более ратующего за свое дело, чем Дарья Ивановна. Ее уважали и боялись. За многолетнюю службу ни единого нарекания — начальство было ею довольно, коллеги тоже.

Как-то, после завершения работы над одной очень трудной постановкой, где Дарья Ивановна проявила чудеса трудолюбия и изобретательности, а также недюжинный организаторский талант, молодые артисты нарекли ее боцманшей. Кличка прилепилась мгновенно, — а она и не обижалась.

Дисциплину среди подопечных наша боцманша держала, как говорится, в ежовых рукавицах. Впрочем, не подумайте чего плохого, — душу имела мягкую и отзывчивую, которую прятала за пышной, седьмого размера грудью.

...Но даже несмотря на волнение и длинную бурную тираду, пронесшуюся сейчас в голове у Дарьи Ивановны и имеющую отношение к молодому начинающему артисту, недавно зачисленному в труппу областного театра драмы, созерцание любимой цветистой клумбы с восхитительными крокусами волшебным образом приглушило гнев, и сладкие мечты снова унесли ее по реке времени к тем берегам, где не будет этого «засранца, придурка и раздолбая», а жизнь вновь обретет покой и безмятежность.

Впрочем, по порядку.

Несмотря на удивительное созвучие этих весьма примечательных фамилий, ведущих родословную, несомненно, от общего корня, отношения у их обладателей — монтировщика декораций Раздолбегина и молодого артиста, недавнего выпускника престижного театрального вуза Григория Раздолбаева — были просто как натянутая струна, — чуть тронешь, и порвется.

Одни говорят, что разногласия их возникли на почве ревности, другие уверяют, что все дело в черной зависти одного к несомненному таланту другого, третьи... — впрочем, какая уж теперь разница. Так что, несмотря на различие их полномочий и, как следствие, нечастые и короткие встречи наших героев друг с другом в стенах родного театра, они все равно время от времени умудрялись, как говорится, подкладывать друг другу подянки.

Надо сказать, что эта достаточно красноречивая и на редкость неблагозвучная фамилия «Раздолбаев» как нельзя лучше характеризовала ее владельца — Грину, Гришаню, — как между собой звали друзья своего юного и, надо признать, вовсе не бесталанного коллегу. Все бы ничего — талантливым артистам многое прощается, — да повадился наш герой прикладываться к рюмочке прямо перед спектаклем.

Как только с этим ни боролись! И вздрючивали паршивца на общих собраниях, и проводили душеспасительные беседы, и лишали премии, и даже устраивали незадолго до спектакля тщательные обыски в его гримерке на предмет обнаружения и изъятия спиртного — все тщетно.

Правда, наш умник со знанием дела пытался уверить всех, что таким «оригинальным» способом он, во-первых, повышает свой творческий потенциал, а, во-вторых, помогает самому себе психологически настроиться перед спектаклем, снимая напряжение после дневных забот и тревожений. Разумеется, мужская половина труппы была солидарна с молодым коллегой, но вслух своего суждения по этому поводу не выказывала. Начальство же на этот счет имело другое мнение.

Можно еще добавить, что опять же сообразно своей фамилии этот парень регулярно опаздывал на репетиции. А какому помрежу это понравится?

Да вот только зрителю на все эти коллизии было абсолютно наплевать — зритель Гришку обожал. Спектакли, в которых участвовал наш Григорий (пока, разумеется, во вторых ролях) пользовались особой популярностью, так что билеты

но некоторые из них уходили из кассы в первую очередь. И можно без преувеличения отметить, что на сегодняшний день в какую-то, пусть и небольшую, часть денежной выручки театр имел именно благодаря актерскому дарованию юного Раздолбаева.

А что же Раздолбегин?

В отличие от щупленького, низкорослого, да еще и курносого (!) соперника — и за что только его зритель любит? — наш монтировщик (правда, он предпочитал, чтобы его называли реквизитором — звучит представительнее) был по-богатырски пригож: высок, широк в плечах и имел необыкновенно красивые, темно-карие, с напускной грустью глаза, один только томный взгляд которых мог свести с ума не только молоденьких актрис, но и бухгалтерш, в день аванса и полочки не покидавших свои рабочие места, дабы не пропустить визит этого сказочного богатыря.

Наш кучерявый брюнет во время работы предпочитал расхаживать по театру и сцене с голым, образцово-рельефным торсом. А когда им, рабочим сцены, приходилось перетаскивать и устанавливать тяжелые элементы театральных декораций, сильные, выпирающие, как у борца, мышцы волнообразно-красиво играли на его загорелом теле. Во всяком случае, артистки во время репетиций на сцене невольно заглядывались на эту античную и прямо-таки завораживающую красоту, и думали: ну почему у их коллег по цеху такие хилые и невыразительные фигуры.

Ну да ладно.

Итак, наши соперники, где только можно, норовили подставить друг другу подножку. Однажды — а случилось это накануне летних отпусков — Гришаня подложил в один из ящиков и без того нелегкого реквизитного комода железную болванку, оставленную после недавнего капремонта подъемника декораций, забытую и валявшуюся в углу кладовой, где хранился старый, отживший свой век реквизит. По сценарию наш красавец-«реквизитор», — которого, кстати, звали Аркадий, — наряженный в платье слуги должен был в нужный момент торжественно, с услужливым подострастием втащить этот «старинный» комод «в залу», то есть на сцену, и установить в указанном «госпожой» месте; затем почтительно поклониться «господам» и молча удалиться.

Дело в том, что бравые ребята из мебельно-реквизиторского цеха малость перестарались — упомянутый комод вышел тяжеловат. Так что, кроме нашего богатыря Раздолбегина с поставленной режиссером-постановщиком задачей не мог справиться ни один артист. И вот в один прекрасный день мудрым решением помрежа Дарьи Ивановны наш красавчик и был осчастливлен. Этой своей единственной ролью Раздолбегин теперь чрезвычайно гордился и терпеть не мог, когда его называли статистом!

На всякий случай Гриня закрепил эту тридцатикилограммовую болванку (как он ее пер — отдельная история) в днищу ящика клеем «Момент» — для надежности. Пусть, мол, теперь узнает этот Аполлон, каналья эдакая, почем фунт лиха...

Кстати, на спектакле присутствовала вся бухгалтерия, включая главбуха, — пропустить дебют своего любимчика они никак не могли. И, слава Богу, актерской чести Аркадий не уронил и с заданием справился. Правда, чего ему это стоило, один Господь ведает, ну и еще актер Гришка, конечно.

Да только после этого случая с неделю, аж до самого отпуска, Гришеньке пришлось скрываться от соперника по театральным закоулкам, в коих, к счастью, нет недостатка в любом театре, а также надежно укрепить запоры в своей гримуборной, и все лишь для того, чтобы, не дай бог, не попасться разгневанному «коллеге» на глаза.

И правильно, между прочим, делал!

И все же ответный пас от «Аполлона» не заставил себя долго ждать. Впрочем, по порядку.

Дело в том, что при театре обитала кошка Лизка. Кошка так себе, не красавица и не из породистых — а просто кошка. И была она Гришиной любимицей.

Как и всякая кошка при доме, чувствовала себя здесь хозяйкой, степенно разгуливала среди кулуаров огромного здания, по этажам, подвалам. Но! Между прочим, ни разу не была замечена ни в кабинете директора, ни на сцене во время спектакля или репетиции, что говорило об ее уме и завидном кошачьем такте.

Однажды новый сторож по неосведомленности неделикатно выпроводил «нахальную» кошку, расхаживающую по коридорам вверенного ему учреждения как у себя дома, на улицу.

Потом ее искали все сотрудники, пять дней искали — тщетно. Сторожа чуть не побили.

Лизка явилась сама — грязная, взлохмаченная, обиженная. С чувством собственного достоинства прошествовала мимо вахтерши, обрадовано распахнувшей перед ней входную дверь, и своей неподражаемой кошачьей походкой «поплыла» по коридору к знакомой гримерке, не обращая внимания на приветствия и радостные возгласы в ее адрес возвращающихся с репетиции актеров. Поскребла лапкой в нужную дверь и рысью нырнула внутрь, когда та приоткрылась.

— Обнимаются!.. — торжественно объявил коллегам заглянувший в гримерку артист, увидев там Лизку, прилившую к Гришиной груди. Эта паршивка радостно лизала его в щеку. Одно слово — Лизка.

На радостях Раздолбаев со своей зарплаты купил ей чудный кошачий ошейник, на котором театральный художник-декоратор старательно, красивой вязью вывел сначала имя хозяйки, затем — помельче: «Драматический театр».

— Ты еще напиши — «солистка», — усмехнувшись, сострил заведующий машинно-декорационным цехом, застав коллегу за таким интересным занятием.

Правда, адрес учреждения уже не помещался, да он был и не нужен — кто же в городе не знает, где находится театр.

После всего этого Лизку полюбили еще больше.

Однажды, проходя мимо всеобщей любимицы, привычно отдыхающей на старом-престаром потрепанном кресле, в закутке, среди декораций, Аркаша призадумался.

Лизонька удобно растеклась мягким животом на продавленном сиденье, уложив сладкую мордочку на подвернутые калачиком лапы, и жмурила глазки. Однако задняя половина ее туловища возлежала на боку вместе с вытянутыми в сторону пистолетиком задними лапами. Пушистый хвост был аккуратно уложен бубликом.

Так на животе или на боку отдыхала кошка?.. «Вопрос, конечно, интересный», — подумал Аркадий и развеселился.

Но тут Лизка, широко и сладко зевнув, лениво потянулась, приоткрыла глазки, равнодушно взглянула на Аркашу и, грациозно развернувшись, улеглась вновь.

Теперь передняя часть ее пушистого тельца устроилась на боку: щека утонула в мягком ворсе обивки, а верхняя лапка изящно свесилась с края кресла. А другая часть туловища непостижимым для человека образом перекутилась на девяносто градусов и распласталась на ложе с задранными сверху задними лапами. Из-за недостатка места попка и подушечки лапок упирались в высокий подлокотник кресла. А на пухом сытом животе неожиданно высветилось колечко белесой, не в масть, шерсти. Морда у Лизки была блаженная. Ну, просто цирк-кино!

Дилемма с положением кошки в пространстве так и осталась неразрешенной, зато натолкнула Аркадия на гениальную мысль. Он даже чуть не прослезился от радости!

Момента, когда созревший план представлялся ему настолько хорошим, что он даже запел от восторга, чего отродясь за ним не водилось, так как наш герой, увы, был напрочь лишен музыкального слуха.

Надо сказать, Аркашу Лизка не жаловала и гладить себя ему не позволяла — прогибала спину, выворачивалась. Наверное, потому, что чувствовала неприязнь к нему своего хозяина и друга Григория.

Все знали, что обычно к концу постановки Лизка уже поджидала своего хозяина, подремывая в том самом заброшенном кресле, мимо которого спешили актеры после спектакля, направляясь к гримуборным.

Когда сценическое пространство было полностью готово к вечернему спектаклю, и рабочие покинули сцену, установилась недолгая тишина. Аркаша незаметно, от самого Лизкиного кресла, — которое числилось ее персональным с той поры, как однажды зав. мебельно-реквизиторским цехом распорядился его выбросить, а Лизкины почитатели отстояли, — прокапал по полу из маленького темного пузырька узкую дорожку — до самой середины сцены. Путь был недлинный, и ушло всего полпузырька...

Теперь, в преддверии радостных событий, сердце его ликовало.

Сегодня играли гоголевского «Игрока». Гриша Раздолбаев исполнял роль слуги Ихарева Гаврюши и был как всегда на высоте.

А тем временем кошка, жадно поглощающая на своем пути дивное лакомство и уже порядком закосевшая, приближалась к кулисам. Сосредоточенно и тщательно, сантиметр за сантиметром она слизывала валерьянку с пола; иногда из-за накатившей на нее эйфории переваливалась на спину и терлась холкой об пол; а то смешно изворачивалась, бодая головой и тщетно пытаясь потереть об сладкий пол и макушку, — и ни на что вокруг не обращала внимания. Зато ее увидели все, когда эта «наркоманка» под кайфом, совершая описанные выше кошачьи кульбиты, очутилась на сцене. И не только артисты, но и, к глубокому сожалению, зрители.

Из разных концов зала, даже с верхнего яруса, донеслись веселые голоса и смех. — Уберите кошку! — шипела из-за кулис помреж, бурно жестикулируя. — Уберите кошку!!

А между тем наша разомлевшая красавица, внося сумятицу в отрепетированный, четко отлаженный механизм представленной зрителю сцены, увидев хозяина, подкатила к нему развязной, хмельною походкой, неуклюже взобралась на колени и замурчала, свернувшись клубком.

Артисты вспоминали потом, что по завершении спектакля взбешенный помреж билась в истерике и вопила, что уволит к чертовой матери этого «раздолбая» вместе с его «раздолбайской кошкой». Такие, мол, только позорят честь театра, и надо гнать их поганой метлой!

От чрезмерного напряжения голосовых связок, не готовых к такому сильному всплеску эмоций, боцманша вскоре перешла на фальцет, потом и вовсе засипела и закашлялась.

Аркадий был на седьмом небе!

Даже сам себе он боялся признаться в том, как ему не дает покоя зрительская слава этого тощего дышленка Гришки, и втайне мечтал когда-нибудь занять его место на театральном Олимпе. Чем он хуже?.. И роли его он почти выучил — сыграл так, что все ахнут!

Мы забыли упомянуть, что наш писанный красавец уже полгода как посещал подготовительные курсы для поступления в театральный. А на работу монтиров-

щиком — рабочим сцены — устроился с намерением быть поближе к чарующим огням рампы.

Итак, в результате вышеупомянутого скандального происшествия в голове у Аркаши торжествующими мажорными аккордами зазвучал траурный марш по Гришкиной карьере.

Но — невиновность Григория была доказана, и репрессии обошли его стороной.

Зато зритель нашел дебют пушистой актрисы по имени Лизавета в дуэте с молодым актером Раздолбаевым весьма успешным и сурового мнения руководства театра по данному вопросу не разделял...

Опаздывая на вечерний спектакль и от волнения замешкавшись у турникета, Григорий спешно поприветствовал вахтера, пулей влетел в гримерку, молниеносно переоделся — спасибо, выдрессировали в армии родной — и взялся за грим.

Сегодня ставили «Севастополь», спектакль о моряках-черноморцах (после работы над которым Дарья Ивановна как раз и была зачислена в боцманши), о том, как налаживалась мирная жизнь в послевоенном героическом городе. Гриня играл роль молодого бравого морячка, и по времени уже ожидался его выход.

Благо весь его сегодняшний грим состоял лишь из небольших кокетливых усиков, которые он наскоро сам и приклепал к верхней губе. Колобком скатившись с лестницы на первый этаж, стремглав рванул к сцене по «тайной тропе», то бишь, пожарному проходу, дабы не попасться на глаза боцманше, отслеживающей, как обычно, из-за кулис идущий на сцене спектакль.

По пути неожиданно столкнулся с красавчиком Раздолбегиным, радостно распушившим хвост пред незнакомой дамой с фотоаппаратом — «журналистка?» Тот, изумленно окинув соперника с ног до головы и умилившись лицом от нахлынувшей радости, — «с чего бы это?» — кивнул Грине в дружеском приветствии и махнул рукой в сторону кулисы — мол, давай-давай, дорогой, твой выход, желаю удачи.

«Перед девушкой выделяется, ясный пень».

— Э-эх, яблочко, да куда катится!.. — вывалился, пританцовывая, на сцену удалой моряк. Физиономия сияет, глазищи горят, якоря на лентах развеваются, ботиночки под клешами брюк так и сверкают черным наполированным блеском... — и упирается носом к носу в царя. Опе!!

Царь — в становом шелковом кафтане, с большим наперсным крестом на груди поверх великолепного золотого оплечья. На голове шапка царская, в руке серебряный царский жезл, на ногах башмаки, вынизанные жемчугом. Вот что есть — царь!

Актер Бубликов — народный артист, обаяшка и всеобщий любимец — вытягивает шею на манер возмущенного злого гусака, приготовившегося заципать своего обидчика, и впяливает в Гришаню взгляд, по силе и выразительности равный разве что работающей на полную мощь лазерной пушке. На его лице Григорий тут же читает свой смертный приговор.

Гришкино сердце враз похолодело и сжалось до размера собственного пупочка.

Вдобавок ко всему, следуя так называемому «закону подлости», вступающему в силу в самый что ни на есть неподходящий момент, у нашего морячка отклеивается и повисает до подбородка правый ус, — слава богу, что к зрителю наш герой стоит другим боком.

Царь, продолжая испепелять морячка глазами, шепчет ему чуть слышно, едва заметно шевельнув губами:

— Ус поправь, мор-ряк... мать тв...

— Чего-о?! — жалко лепечет ничего не понимающий, растерянный Гриня. Откуда царь-то?!!

— Ус, говорю, поправь... придурок! — сквозь стиснутые зубы простонал помазанник божий.

Тут и вовсе сробел наш моряк, аж до коликов в животе.

...А дальше было вот что.

Всего несколько секунд растерянности и... государь чинно, неспешно оборачивается лицом к зрителю, обводя смешливым взглядом притихший зал. Недоуменно разводит руками и, изобразив на лице шутливо-повинную улыбку, отрекомендовывает:

— Так это-о... мой потешник — ну, который из Потешной палаты... Зело люб мне, шельмец! Наше царское семейство песнями, плясками забавляет... Во-от.

Теперь голос государя зазвучал тверже, увереннее:

— ...Вина фряжского наакался, пес. Что с ним будешь делать, не казнить же басурмана... Ну-ка, пшел отсель, шут... гороховый! — И Бубликов, гневно сверкнув очами, как рявкнет на любимого потешника: «Не мешай государю труды великия вершить!», — и саданул царским серебряным жезлом об пол так, что аж публика содрогнулась.

Зал замер, и на вытянутых зрительских физиономиях читалось недоумение.

Между тем, незаметно поправив нашкодивший ус, морячок, похоже, воспрял духом: приосанился, растерянная физиономия его преобразилась — что ж, мол, потешник так потешник.

Скоро выражение лица его стало шутовски меняться в лад происходящему на сцене.

А на сцене, где до появления моряка проходил чинный «обряд царского лицезрения» и где князя и бояре, дворовые и служилые чины явились в царские палаты, чтобы быть удостоенными милости видеть «пресветлыя очи Великаго Государя», царил неразбериха. Приглашенные ко двору сановники в замешательстве испуганно переглядывались, на их побледневших физиономиях читалась безмерная растерянность. Пауза затягивалась.

Теперь по-настоящему играл на сцене только один актер — Раздолбаев! Войдя в назначенную ему роль, этот шалопаи талантливо, с самозабвением изображал своего героя, а говоря попросту — кривлялся: затейливо, шутовски пританцовывал, приплясывал и производил разные другие «действия» — правда, все это пока за спиной у сидящего «в креслах» Государя.

И, кажется, покидать сцену не собирался.

Наконец царь спохватился и обратил свой взор на стоявших поодаль в оцепенении бояр, видом своим сейчас сильно смахивающих на театральные манекены. Набрал в легкие побольше воздуха и...

— А это, други мои, заморское платье на нем, да-с, — не моргнув глазом, соврал Государь. — Зело благолепно! Голландский посланник нынче презентовал, э-э-э пожаловал.

...Но зритель-то не дурак, зритель уже просек эдакую сценическую конфузию. Ближние ряды партера взволновались, зашептали, захихикали. Кое-кто, поглазастей, узрел изобличающую золотистую надпись на околыше черной матросской бескозырки: «Черноморский флот», и испытал бурный восторг первооткрывателя. Смертельно захотелось поделиться своим открытием с народом, и вскоре все услышали его негромкий, нараспев, преехиднейший голосок:

— А костюмчик-то, кажись, не заморский, нашенский будет... — и крамольник прямо просиял от собственной дерзости. И тут же, совсем уж расхрабравшись, брякнул: — Крым-то давно взял, государь-батюшка?..

Тут один из рынд (так называли царских телохранителей из сынков знатных

бояр), стоявших по обеим сторонам государева престола «для бережения», — как и положено, в высокой белой шапке, подбитой рысьим мехом, белом кафтане, сапогах белых сафьяновых да с серебряным бердышем на плече, и которого изобразил молодой, неоперившийся еще актер-желторотик, — громко-громко, на весь зал, икнул!

Никто не засмеялся — публика замерла.

А каверзный вопрос зрителя-наглеца так и повис в воздухе!

Только «государь-то» наш чай не дурак, на своем веку и похлеще умников видел. Да и отродясь не было у нас царей-дураков! Не растерялся Бубликов и молвит с царским достоинством, без смущения, обрацаясь вроде бы как к своему главному заместителю, думному боярину, а на самом-то деле держит ответ перед зловредным зрителем-provокатором:

— Вот тут оные про Крым спрашают... — государь вздернул царственной бородкой и картинно, пальцами, поскреб шею, выдерживая многозначительную паузу и усиленно соображая, как ответить, чтоб не опозориться. Зал напряженно затих — ждал. Наконец, решительно взметнув десницу кверху, уверенно изрек: — Коли надобно — дак будет наш!!

И в эту торжественную минуту взволнованная публика с восхищением узрела невиданную «допрежь» горделивую осанку и царскую величавость московского государя.

— Яко много бранных споров с соседями нас ожидает... — задумчиво продолжил царь. — И посему в Разрядном приказе велено сие воинское платье заранее сработать — для грядущих ратных дел, так сказать. А это, как его... — царь небрежно махнул рукой в сторону матросика, — образец, во! На «погляд» привезли. Импортный дизайн. Лепота-а.

Отдышавшись и сглотнув несуществующую слюну, государь грозно, по-царски сдвинул брови и многозначительно воззрился на близстоящего боярина:

— Ну, почто, бояре, в унынье впали? ...Аз правильно реку?! — И, не дождав-шись ответа, продолжил: — Ибо зело хлопотное дело — облаченье на целу рать шить... Пуцай ране готово будет! Да-с... — и, сбив царскую шапку на затылок, пятерней смахнул с чела струящийся пот.

Вид думного боярина, стоявшего, как и прочие, в длинной до пят парчовой одежде и превысокой шапке, похожей на башню, можно было обозначить двумя словами: ни жив, ни мертв.

Зрители первых рядов давно, конечно, скумекавшие, что к чему, оживились, заулыбались, и в адрес находчивого царя послышались аплодисменты.

Слава актеру Бубликову, слава!

От волнения у царя-батюшки во рту пересохло так, что язык прилипал к небу, а рубашка к спине, и «народный» вдруг осознал, что если сейчас же не утолит жажды, все! — кердык! — рухнет замертво.

— Квасу мне! — раздался хриплый, приглушенный баритон московского царя. — Живо!! — громче повелел Государь и для убедительности бабахнул жезлом об пол.

Между тем помреж — наша бесценная и несравненная Дарья Ивановна, — в данную минуту отслеживающая театральное действие из-за кулис, уже давно уяснила для себя, что смерть от старости ей не грозит. Одно в этом радовало: муж, тоже артист, не увидит ее одряхлевшей старухой — уже хорошо. Знать бы только, как скоро это случится?..

Но сегодня, в эти трагические для репутации театра и для нее лично минуты,

на помрежа снизошло прозрение: она совершенно четко осознала, что жить ей осталось ну совсем чуть-чуть, совсем капельку — ну, может, до завтрашнего утреннего совещания у директора с божьей помощью и дотянет. Вот сроду не молилась, а тут глаза закатили — аж к самым колосникам, куполу сцены, и... Господи, помоги! Не для себя прошу — театр опозорить не дай, помоги, надоумь... А меня хоть завтра забирай!

И сразу, как по волшебству — вот оно, чудо молитвенного слова, — в просветлевшей голове явилась решимость.

На легком невысоком столике для мелкого реквизита, скрытом от зрительских глаз тяжелой кулисой, стояла массивная кружка с недопитым то ли чаем, то ли кофе. На полу под ним красовался небольшой толстопузый термосок. Помреж сорвала с ошарашенного думного дьяка, до того спокойно ожидающего в кулисах своего выхода, длинный широкий кафтан, который с трудом сошелся у нее на животе и грудях, нахлобучила на голову его шапку и, прихватив кружку, выскочила на сцену.

Ух, и колоритный же получился дьяк!

...Царь с жадностью приложился к кружке; а пока он пил, Дарья Ивановна пыталась незаметно дотянуться рукой до «потешника», кривлявшегося позади государева трона. Но тут ее взгляд споткнулся о яркую картинку на чашке и встретился с веселыми озорными глазками двух жирненьких розовых поросят. Успела разобрать надпись: «хотя фигуры наши очень плотные... мы добрые и чуткие животные...»

И не выдержала.

— Дозволь, царь-батюшка, слово молвить! — возвестил, почти прокричал, царский советник басовитым голосом боцманши и поклонился царю в пояс. Подошел к Гришке и, вперив в него яростные очи, как рывкнет:

— Бей челом царю, смерд! — и так пнул кулаком в грудь разошедшемуся морячку, что тот еле удержался на ногах. И тут же, бешено вращая глазами, зашипел: — Проваливай со сцены, дубина!

Да не тут-то было. Наш Гришаня, как истинный актер, уже всецело вошел в образ и выходит из него пока не собирался. Принятая на грудь перед выходом рюмочка коньяка сделала свое дело. И хотя роль дурака-шута была для молодого актера нова, богатая фантазия и природный талант помогли сыграть новоявленную роль блестяще!

Ах, какие поклоны отдавал он разъяренному Государю, надо было видеть!

Он бил челом так истово, что не поверить в его искренность было просто невозможно! К тому же, в эдакой благоговейной покорности кланяясь перед Великим Государем, наш герой все время пытался облобызывать царю ручку, которая у того была крепко стиснута в кулак — аж до посинения, и сильно просилась в лоб потешнику. Но деваться некуда, и пришлось-таки Государю принародно жаловать к руке этого засранца. И только после этого, пятясь и не переставая кривляться, наш потешник, возбужденный и счастливый, покинул, наконец, сцену.

Эйфория закончилась быстро.

Поздно было сожалеть о забытом у приятеля дома мобильнике, на который помреж, без сомненья, прислала «эс-эм-эски» о форс-мажоре с заменой спектакля.

Но как коварен враг, как коварен! Теперь-то Гришаня это понял. Ну, Аркашка, ну, змееныш. Не предупредить о замене спектакля! Какое величайшее свинство! И что теперь скажет боцманша, которую, кстати, Григорий боялся больше всего на свете! Его богатое актерское воображение нарисовало такие безрадостные перспективы, что сейчас же мудрый внутренний голос громко воззвал к нему: «Полундра!»

Долго гонялся за Гришей разъяренный помреж!

Если бы их спринтерский поединок происходил на прямой дистанции, за свою жизнь Гришенька мог бы не опасаться. Но здесь, в театральных переулках-закоулках — там свет не горит, там раскорячилась забытая декорация, там наткнешься на необрунный реквизит — Григорий приготовился к худшему.

Накануне, поджидая дружка в служебном вестибюле и чтобы скоротать время, Гриня рассматривал на стене большой старый стенд под названием «Уголок гражданской обороны». Это наглядное пособие помнило, наверное, еще отцов-основателей театра. Информация размещалась по разделам: «Стихийные бедствия», «Пожар», «Эвакуация», «Использование средств индивидуальной защиты» и т. д.

Теперь он сожалел, что не изучил все разделы досконально. Мечась из помещения в помещение, с этажа на этаж и слыша за спиной яростное пыхтенье и отдающий в голову цокот широких каблуков стотридцатикилограммового(!) — он знал это точно — помрежа, Гриша Раздолбаев усиленно соображал, знание каких разделов могло бы сейчас пригодиться ему более всего. Может, это «Стихийные бедствия»? Или все-таки «Укрытие в защитных сооружениях»?

А еще, пробегая мимо большого настенного зеркала, которое с мстительным злорадством отразило его хилое, лишенное мышц тело («дрыщ», помнится, с ехидцей говаривал о Гришке Аполлон), на него нахлынуло мучительно-тоскливое чувство вины перед своими родителями. Ведь предки в тайне мечтали когда-то, что их сынок станет известным борцом, и записали его в спортивную секцию, которую Гришка благополучно прогуливал, а потом и вовсе бросил.

...На секунду беглец приостановился перед дверью с белой табличкой «Посторонним вход воспрещен. Пожарная охрана». Дернул — закрыто. Черт! И понесся дальше.

В коридоре мешались громоздкие металлические ящики — контейнеры для перевозки театральных костюмов и реквизита с надписями спектаклей. На одном было выведено: «Идиот», и Гришаня невольно примерил это слово к себе. Подошло.

В темном подвальном закутке чуть не расшиб колено, наскочив на массивную сварную тележку для перевозки тяжелого инвентаря и декораций. Прятаться здесь было негде. Хотел было залететь на нижнюю сцену, в так называемый трюм, но подумал, что там сейчас могут быть люди. В отчаянье снова взлетел вверх по лестнице и повернул в направлении сцены.

Цепляясь руками за кулисы, спотыкаясь и стараясь не греметь, несчастный пулей промчался по боковому проходу сцены — там еще продолжался спектакль. Ноги вынесли его в слабоосвещенный закуток парадного вестибюля. «О! Галлюин!» — радостно вскрикнул беглец, подкованный теперь в морской терминологии. Стрелой нырнув за дверь с покосившейся табличкой «Ж», переугнанный морячок в мгновение ока закрылся в одной из кабинок. Сердце готово было выпрыгнуть, грудная клетка ходила ходуном.

А что же боцманша?

Взмокшая, с пылающими щеками, похожими сейчас на два гигантских помидора, со струящимися со лба и носа струйками пота помреж настигла «паршивца» в дамской комнате, когда приоткрыв на всякий случай входную дверь, поняла, что не ошиблась, почувя нехарактерный для дамского туалета запах мужского дезодоранта. Минувя приоткрытые кабинки, остановилась перед закрытой дверцей. Дернула. Затем сильней.

— А ломать государственное имущество нельзя, — задыхаясь и пыхтя, назидательно возвестил голос из чрева кабинки.

— Можно, — злобно прошипела, тяжело дыша и задыхаясь, помреж.

— Нельзя.

— Можно. Мне теперь все можно!

— Нет, нельзя. Шпингалеты только поставили, новенькие. Директор не простит.

— Ах ты... арти-ист. О театре он заботится — аферист! — взорвалась помреж. — Выходи, паскудник, я тебя убивать буду!

Гришаня судорожно сглотнул.

— А меня, между прочим, зритель обожает... — робко пролепетал несчастный. — И ежели хотите знать, я театру кассу делаю! — собравшись с духом, взвизгнул он отчаянно, цепляясь за соломинку.

— Чего-о?! — прорычала помреж, захлебываясь от возмущения. — Да получишь тебя, засранца, найдутся! — и она с такой силой рванула дверь, что, если бы Григорий не уперся заранее правой туфлей в дверной косяк и обеими руками не удерживал дверь за ручку, шпингалеты слетели бы к чертовой матери.

— А вот-и-не-най-дутся, — с придыханием, кряхтя от натуги, храбро отвечивал артист. — Завтра, между прочим, спектакль, а дублер мой на больничном! — еще больше воодушевился арестант, ухватившись за вторую соломинку — первая, увы, не прокатила.

— Ничего-о... Ты тоже завтра будешь на больничном, — и голос, каким это было сказано, не оставлял никаких надежд на спасение.

Гриня похолодел и сник. Руки и ноги, похоже, перестали ему служить. Совсем некстати ему вспомнилось недавнее дружеское рукопожатие шефине за блестяще сыгранную им сцену в новом спектакле — после него боль во всей кисти какое-то время еще давала о себе знать. Ему стало совсем хреново. И на удивление в его воспаленном мозгу с точностью до запятой предстал полувыцветший печатный текст со стенда по гражданской обороне, и именно раздел «Первая медицинская помощь».

...Положение спасла его верная пушистая подруга — дорогая Лизетта.

Откуда ни возьмись, она нарисовалась у ног боцманши и принялась ласково-преласково, как умеют только кошки, тереться об ее ноги. Упоительно-волшебно замурчала.

Вряд ли найдется на свете человек, душу которого не смогло бы растопить это восхитительное, нежное, с непередаваемым обаянием существо. У помрежа когда-то была любимая кошечка, ее сбила машина, и Дарья Ивановна до сих пор с грустью вспоминала о ней.

Что-то перещелкнуло в душе у начальственной дамы, гнев тихонько нейтрализовался. И помреж, поглядывая сверху вниз на это удивительное «марсианское» существо, улыбнулась.

Театральное имущество, включая дверь, шпингалеты и самого «потешника», не пострадало.

Как-то один юморист из бутафорского цеха кинул идею: в артистическом буфете поименовать салаты, коим в обеденный перерыв актерским сообществом почему-то отдавалось предпочтение перед прочими блюдами, по названиям идущих в театре спектаклей. Идея понравилась, и теперь за витринным стеклом буфета были представлены: салат «Игрок» из крабовых палочек, капустный «Не все коту масленица», «Сельдь под шубой», переименованный в «Годуновский»; также имелся салат «Гамлет», салат с добавлением черной икры «Розыгрыш», салат грибной «Последняя жертва», ну и так далее.

На следующий день после скандального происшествия, несмотря на то, что до конца обеденного перерыва оставалось еще полчаса, буфетная витрина зияла пустотой. Лишь в уголке, у задней стенки, жались три одиноких салатницы.

— Чего желаете-с? — игриво кивнула знакомому артисту молоденькая симпатичная буфетчица. — «Годуновский», как всегда, и чай с булочкой, да?

— Мне три... надобно... — не отрывая сердитых глаз от витрины, отвечивал Бубликов, облаченный в наряд своего героя — после вчерашнего «провала» спектакля по распоряжению худрука вновь репетировали «Годунова».

— Простите, «Годунов» только один, батюшка царь, — отзывается буфетчица. — Остальные — «Севастопольские». Вроде государю не пристало... — и она весело прыснула, прикрыв рот ладошкой.

— Я сказал три, значит три! — рявкнул царь.

— А может, «Розыгрыш», с икоркой — у меня в холодильнике один остался, для директора берегла... мм?

— Тогда четыре! — решительно заявил царь.

— Чего... четыре? — не может взять в толк растерявшаяся девушка.

— Салата! — зарычал народный артист. — Что не понятно?

И буфетчица, испытав непонятное чувство вины, ринулась к холодильнику.

У стоящего за Бубликовым голодного Раздолбаева аж дыхание перехватило от возмущения: «Это он, чтоб мне не досталось, ясный пень. Мститель, блин!»

Волна бунта прокатилась и в его пустом желудке. Вчера, после всего пережитого, кусок не лез в горло, зато сегодня... Верно ведь говорят, голод не тетка. Моряк ему, вишь, не понравился! Строит тут из себя... Будто я виноват.

Выставляя на буфетную стойку заветные тарелки, девушка вопросительно взглянула на царя и с явным намеком жалостливо кивнула головой в сторону Раздолбаева, чья кислая, голодная физиономия выглядывала из-за государева плеча. Бубликов отвечивал коротко:

— Душепродавцу не положено.

«Сам самозванец!» — обозлился про себя Гришка. Вслух перечить «народному» он не посмел. — «А Аполлону я морду набью! Когда-нибудь. Обязательно. Вот только на карате запишусь...» — и, печально вздохнув, снова вспомнил родителей.

А тем временем весь театральный город горячо обсуждал необычную постановку, где, по мнению взбудораженной, восхищенной публики — преимущественно молодежи, будто бы заблестало новое режиссерское видение. Все чаще слышались слова «новаторство», «концептуальное искусство», «андеграунд», «постмодернизм» и прочие модные словечки. Их произносили с нескрываемым наслаждением, ощущая во рту сладкий привкус причастности к понятиям, доступным лишь для избранных. Наиболее дерзкие смело заявляли о застое, якобы имевшем место в театре, впрочем, и высказывали оптимистические прогнозы на будущее.

Таким образом, случившийся в тот злосчастный день сценический пассаж не только не умалил, а напротив, только подлил масла в пламень зрительской симпатии к родному театру. Те, кто еще не видел спектакля, жаждали увидеть все своими глазами и кинулись за билетами в кассу.

Согласно месячному репертуару театра следующий показ этого замечательно-го и необычного спектакля о Московском государстве ожидался только через две с половиной недели, но билеты были раскуплены в фантастически быстрый срок — за два дня!

Только, увы, счастливичков ждало разочарование. Потешного морячка в спектакле не было.

Народ роптал, пошли слухи, что роль зрительского любимца Гришеньки Раздолбаева выбросили из спектакля исключительно благодаря козням коллег, завистников гениального актера, чья роль царского потешника в пьесе оказалась лучшей. Особо рьяные поклонники Гришеньки объявили руководству театра бой-

кот, отказавшись впредь посещать театр, в котором царят кумовство и беспредел. Они организовали митинг перед зданием театра, потрясая плакатами с надписью «Даешь Григория-потешника!» и скандируя фамилию любимого актера.

В прессе замелькали многочисленные публикации от руководства театра с подробными разъяснениями по поводу скандала, но, увы, это не помогло. А выручка от продажи билетов и в самом деле упала.

В конце концов, дирекция театра, хотя и скрипя зубами, пришла, наконец, к единственно верному решению: осуществить постановку спектакля, где одна из главных ролей будет отдана молодому артисту Раздолбаеву. Вот уж воистину — «не было бы счастья...»

Правда, Грине был поставлен ультиматум: никакого алкоголя перед сценой! Со своей стороны выдвинул условие и воодушевленный успехом Григорий, пожелавший, чтобы в новом спектакле непременно была роль для Лизки. В ответ худрук обозвал Григория наглешим из наглецов и добавил, что если его Лизка еще раз в разгар спектакля выползет на сцену нетрезвая, то он с радостью открутит этой артистке голову собственными руками.

...А вот со своим бывшим недругом, Аркашей Раздолбегиним, Гриша неожиданно для всех помирился! В конце концов, именно Аркадий своим хотя и, безусловно, свинским поступком, но все же невольным помог начинающему актеру заполучить весьма ответственную роль в новой постановке. А без Аркашки скоро ли она ему светила?.. То-то.

В благодарность перед бывшим соперником Гриня даже обещал Аркадию помощь в подготовке к поступлению в театральный.

Так что завершилась эта замысловатая история вполне счастливо, что бывает в жизни, как мы знаем, далеко не всегда, но бывает же?..

Да, мы забыли упомянуть еще об одном, вроде бы и незначительном на первый взгляд происшествии, однако проливающим дополнительный свет на истоки завязавшейся дружбы между давними соперниками. Послушайте.

Как-то боцманша перед самым началом второго акта учуяла легкий запах спиртного от нашего любимца публики. Удивление вызвал не сам факт дисциплинарного нарушения, а то, что произошел он после только что проведенного шмона в Гришкиной гримуборной, вплоть до театрального костюма, в который уже был облачен актер. Да только ничего не нашли.

Аркаша Раздолбегин нарочно вертелся неподалеку — уж очень ему хотелось полюбоваться на Гришкино фиаско. Так вот, его насторожило тогда весьма странное поведение Лизки, которая, несмотря на шумную толкотню устроителей облавы, долго и беспокойно крутилась возле артистической уборной хозяина и несколько раз подходила и ластилась к Гришке, а тот ее прогонял. Это было более чем странно.

Когда в очередной раз Лизка, обиженно махнув распушенным хвостом, вышла за дверь, Аркаша машинально схватил ее, поднял и прижал к себе, чтоб не вырвалась. И почувствовал под пальцами в области кошачьего брюшка нечто твердое и холодное. Присмотревшись, с изумлением обнаружил, что к животу у Лизки на тоненьких веревочках, идущих от известного ошейника и терявшихся в мохнатой густоте сибирской шерсти ее хозяйки, пристегнут масенький флакончик! Что в нем находилось, можно было не гадать.

Аркадий стал для восхищенно находчивостью и изобретательностью соперника, что решил его не выдавать, чем и заслужил в дальнейшем расположение и ответную благодарность.

Вот так и помирились.

Прошло время. В театральный ВУЗ Аркадий, увы, не поступил — не хватило баллов. Нельзя сказать, что он был уж очень этим огорчен. Просто со временем пришло понимание того, что театральное поприще — не его стихия. И вскоре Раздолбегин записался по контракту в армию, в Воздушно-десантные войска, куда такого красавца-богатыря приняли с превеликой радостью.

Гриня же вскоре женился на хорошей девушке, тоже актрисе. Остепенился. Кстати, подружила их Лизка, которую как-то будущая Гришина невеста взялась лечить, когда у всеобщей любимицы вдруг воспалился и загноился глаз. И любовь не заставила себя долго ждать.

А Лизка однажды принесла в подоле четырех очаровательных, тоненько попискивающих малышей. Все они были разномастные, презабавно толкались, сбились в кучу и жмурились, пытаясь добраться до маминогo молочка. Через какое-то время все они были усыновлены и удочерены актерской братией.

ФИЛОСОФ

Фантазия

- Не толкайтесь, товарищи...
- Извините...
- Места вам мало, что ли...
- Кажется, нас здесь слишком много, господа...
- Если бы нас было много, как вы изволили выразиться, мир не был бы так глуп.
- Какая самонадеянность! Дело-то не в количестве, а в качестве...
- Разрешите поближе к окошку... пожалуйста...
- Пропустите даму к окну...
- Ой, не прижимайтесь так, сударь, щекотно же...
- Скажите, пожалуйста, щекотно ей...
- Не приставайте к даме.
- А я о поручень стукнулся...
- Интересно, каким местом?..
- Ах, дома все же спокойней...

От стоянки номер шесть Центрального автовокзала тяжелой ленивой походкой, пыхтя и раскачиваясь, отчалил двухъярусный гигант. В автобусе дальнего следования свободных мест не было.

Пассажиры, покидав легкий багаж на верхнюю полку, с наслаждением вытянулись в мягких удобных креслах с высокими спинками, предвкушая долгожданный отдых и долгий приятный сон под мирное покачивание временной обители на колесах. Шумный, пыльный город с таким невероятно длинным, опутанным проблемами и заботами днем остался позади.

Из вежливости перекинувшись незначительными фразами с соседями, уставшие пассажиры прикрывали глаза и с блаженством погружались в вязкую сладкую дрему.

Через какое-то время их путанные мысли, бесцеремонно вытесненные глубоким, крепким сном и на время отпущенные Морфеем на свободу, взмыли над головами спящих людей и, толкаясь и егозя, зависли под пластиковой крышей салона. Несмотря перознакомились.

— Совершенно с вами согласна, дома спокойнее, — задумчиво вторила соседке молчавшая до этого Мысль. — Я тоже предпочитаю отдыхать дома. Ночь люблю. Ждешь с нетерпением, когда уставший хозяин уснет. Взовьешься к потолку —

приволье! Расслабишься... по комнате летаетшь, летаешь... — сама себе госпожа; и так становится хорошо, что прямо петь хочется! — мечтательно вздохнула Мысль и добавила: — Ну, пока Мой во сне всяческий вздор смотрит.

Публика, внимая, поддакивала.

— Все это, конечно, так, господа, только согласитесь, нынче для нашего брата настали нелегкие времена. Это их дурацкое телевидение с тьмой каналов... Интернет опять же... чтоб его холера взяла!

— Да-да, вы абсолютно правы! Мозги-то у них совершенно не проветриваются! Засоряют только нас, свои верные мысли, всяческой ерундой! Вот где и когда, скажите на милость, у них случается возможность побыть с нами наедине, без посторонних? Даже в личных авто и то покоя никакого! Мой — как только пристегнется, тут же «Дорожное радио» врубает, да так, что не только я — пешеходы шаркаются... Что же нас дальше ждет, уважаемые?!

— Вот-вот, это же парадокс! Чем выше научно-технический прогресс, тем сквернее, черт возьми! Уже ступить некуда, чтобы не натолкнуться на какое-нибудь свинство...

— Что вы имеете в виду, товарищ?

— А то, что в нынешнее время человеческая раса беззастенчиво игнорирует нравственные законы природы, обнаруживая при этом свою моральную и физическую нечистоплотность... — философски заметил предыдущий оратор, обозвавший результат деятельности человеческого общества свинством, после чего был негласно произведен собравшимися в Философы. — Загадили планету — песочка чистого не сыскать!..

— Резко, очень резко... А позвольте спросить, уважаемый, ваш телесный Владыка, если можно так выразиться, гм... не домоуправ ли, случаем? А то Мой вчера с этим господином полчаса по телефону объяснялся, на повышенных тонах, — требовал, чтобы дворники занялись, наконец, уборкой дворовой территории. Так тот оппонировал ему прямо-таки вашими словами, открыто намекая на свинское поведение самих жильцов...

— Не имею чести знать этого вашего, как там его, Домоуправа... Только хотел бы добавить, что дети в нашем дворе — эти сопливые маленькие дикари — вконец оборзели! Представьте, вчера додумались бросаться жвачкой в ни в чем не повинного, несчастного кота!.. А вечером черная машина голубя задавила! Жалко же птичку...

Какое-то время присутствующие молчаливо переваривали сказанное (неожиданно обнаружив в себе жгучее желание почесать репу, как это делали иногда их хозяева, но по причине отсутствия оной лишённые такой возможности). Кто-то скорбел о погибшей птичке. Ну, а автобус уверенно накручивал километры по широкой ровной автотрассе, тянувшейся через бесконечные малахитовые поля к самому горизонту; народ внизу спал.

— А хорошо было бы существовать самостоятельно, без Них, — вдруг мечтательно заявила Дама, та, что недавно просилась к окошку. — Как надоело блуждать в темных, мрачных лабиринтах их бесчисленных извилин!

— Ну, и для чего вам все это, мадам?.. — саркастически заявил тот, кого вскорее негласно нарекут Циником. — Вы же должны как-то отдавать себе отчет в том, что сами являете собой всего лишь продукт женского мозга, весьма, своеобразный и... увы, порой сомнительного качества.

— Но-но, повежливее, сударь, — выразил недовольство уже однажды заступившийся за Даму интеллигент.

— А что, она права, — возвестила согласие с Дамой чья-то Мысль. — На кой ляд нам эти кретины с их несовершенной и дурно пахнущей плотью? Что, мы без них не проживем, что ли?..

— Послушайте, а давайте же не возвращаться?! — пронеслась легким ветерком меж их рядов заговорщицкая Мысль мужского сословия, разом ошеломившая благородное собрание своей откровенной крамолью.

— Ну, ты обнаглел, приятель! — тут же возмущился один из собравшихся. — Разве ты не знаешь, для чего Творец связал нас единой нитью с человеком, — нет?.. Для того, любезный, чтобы иметь возможность наречь его гордым именем — Homo sapiens!

И явил неожиданную бдительность: «Ты, дружок, случаем, не провокатор?» Окружающие загноуливались.

— Господа, вы разве ничего не чувствуете? — продолжал Бдительный. — Сдается мне, среди нас чужак затесался...

Инициатор крамольного предложения так и взвился:

— Ты на что намекаешь, фантаст?! Что я шпион, да?! Ну, посуди сам, зачем — нам — их — тело, а?.. — продолжал гнуть свою линию Крамольник. — Вот ты сам, к примеру, чей будешь?.. Богом клянусь, вон того балбеса в серой кепке, с придурковатым лицом, что похрапывает в пятом кресле.

— Это кто ж такой шибко умный?! — обиженно взъерошился Бдительный. — Сейчас у меня живо по физиономии схлопочешь!

— Руки коротки, — хихикнул Крамольник.

— А вот это правда, — поддакнул Интеллигент, обращаясь к почтенной публике. — У нашего брата ни лица, ни рук... Так, эфир один...

— Да пришлый он, точно вам говорю! Может, он тайком в окошко влетел! — продолжал упрямяствовать Бдительный. — Фибрами чую...

— Чем-чем?

— Ах, не будем ссориться, господа. Давайте лучше посчитаемся! — блеснув благоразумием и рационализмом, вступила в разговор еще одна Мысль, тоже мужского сословия.

Быстренько, с шутками-прибаутками посчитались сами. Затем сосчитали по торчащим из-за спинок кресел маковкам мирно посапывающий и ни о чем таком не подозревающий люд. Считали дважды, но все равно одной головы не хватало, а проще сказать, чья-то мыслишка все же оказывалась лишней... Ой-ей...

— Я же вам говорил! — торжествующе воскликнул Бдительный. — Среди нас вражеский агент!

Нелишне пояснить, что нашими арифметиками осталась незамеченной одна взлохмаченная и давненько немытая головушка согнувшегося в три погибели к самым коленям горемыки, который в этот момент дрожащими руками бережно откупоривал небольшую бутылку с бесцветной жидкостью.

— Успокойтесь, господа. Что за скверная привычка у человеческой Мысли из мухи лепить слона, — справедливо заметил Философ. — Вынужден признать, что со времен Адама и Евы она так и не продвинулась в своем развитии.

— Ну, ты, продвинутый, сам-то чей будешь? Часом, не посланца ли с далекой Галактики? — поинтересовался кто-то ехидно.

— Благодарю за комплимент. Да, я действительно не слишком высокого мнения о человеческом разуме и считаю иных животных значительно умнее...

— Простите, это в чем же? — ухмыльнулся Интеллигент.

— В главном: в отличие от человека, они ничего не делают себе во вред.

Это был сильный козырь, и оспорить его никто не решился.

Да-а, не глуп этот Философ, совсем не глуп...

Но Бдительного было не так-то просто сбить с панталыку, и он продолжал упорно гнуть свою линию:

— Товарищи! Я что вам хочу сказать по поводу лишней Мысли: а может, это наш водитель уснул за рулем... сволочь этакая?.. А его собственные, с позволения

сказать, *думы* ему безмолвно потакают, не осознавая всеобщей смертельной опасности. Угробит нас всех к чертовой матери!.. Эй, есть среди нас Водила?! Признавайся сейчас же!

Водила молчал.

...Да-а, воистину, когда отдельная Мысль волею рока вынуждена метаться в ограниченном, душном пространстве под тесной крышей трясущегося автобуса в многочисленной толпе своих сородичей (к тому же, если говорить откровенно, не всегда равных ей по положению и достойных ее общества), она невольно обрастает заскорузлой коркой примитивизма, косности и пошлости, и начинает молотить всякую чепуху. А вот ежели бы, к примеру, та же Мысль неожиданно получила возможность подняться значительно выше и повитать в облаках, ее метафизическая сущность наверняка стала бы более осмысленной, и даже возвышенной. А еще, если бы наши герои, собравшиеся здесь под одной крышей, были облечены в материальную форму, то с удивлением обнаружили бы, что их собрат, нареченный Благоразумным, прямо-таки трясется от смеха:

— Да если б водитель действительно уснул, дорогие мои братья, могли ли мы об этом не знать?! ...Ну, а разоблачить чужака, если уж вам так хочется, можно будет тогда, когда народ в салоне проснется.

Совершенно неожиданно резким, грубым диссонансом к культурному, содержательному разговору по салону пронеслось нечленораздельное:

— А где-е это я... бли-ин, а? — и еще одна запоздалая Мысль вознеслась к почтенному собранию и ткнулась в потолок. Было ясно, что пребывает она в большой растерянности и принадлежит мужичку из кресла под номером двадцать пять — тому самому, непомеченному.

— А разве не ясно? — брезгливо посторонившись, язвительно отвечивал ему Циник.

— А пошли-и вы все...

— Хам какой-то!! — хором возмутилась женская половина собрания. — Выведите его отсюда!

— Интересно, куда?

— Вернуть ее к алкашу — и все!

— Во-первых, как вы это себе представляете? — хмыкнул Благоразумный. — А, во-вторых, у этого пассажира все равно одна похабщина и нецензурщина в башке. Ну, другая его «госпожа» Мысль, такая же наглая и беспардонная, как и ее сестрица, к нам пожалует, и что?..

— Вот-вот, — подхватил Философ. — По-научному сие называется раскрепощение инстинкта. И не надо строить из себя царей природы!

— А чо эт за дрянное бухло наверху... — крыша такая, иль чо-о? ...Свободы хочу! Чтоб вам всем...

— Да уймите же его, наконец!

— Безобразие!

— Вы что, господа, пьяной Мысли никогда не видели, что ли? — насмешливо вставил Циник.

Снова вмешался Благоразумный и, обращаясь к возмутителю спокойствия, неожиданно заговорил размеренным, повелительным тоном экстрасенса, проводящего сеанс гипноза:

— Ты, дружок, в пивной. Сейчас — тебе — поднесут — кружку, большую-пребольшую — хорошего, пенистого. Сиди и жди. Молча!

Как ни странно, Алкаш послушно замолчал, видимо, в трепетном ожидании вождя пива.

— Вот он, ваш Человек... Властелин мира, понимаешь... — с грустью проком-

ментиралов произшедшее Философ. — А скажите, уважамые, вы когда-нибудь слышали, чтобы, к примеру, по вине захмелевшего кошки, дорвавшегося по опрометчивости хозяйки до валерьянки, сгорел лес или случилась страшная авария, или еще что-нибудь нехорошее?.. Нет? Думаю, и не услышите.

Но тут кто-то нетерпеливо перебил:

— Друзья, а как вы считаете, кто все-таки главней — Мы или Они?

Вопрос поставил присутствующих в тупик. Завязалась долгая, горячая полемика. Наконец, пришли к заключению, что Они, люди, без собравшихся здесь господ — ничто! Потому что именно Мысль — начало всех начал. И человек без Мысли — уже вовсе и не человек, а так, недоразумение природы. Сама же Мысль и без Них — все равно сила!

— Вот, к примеру, книга, этот удивительный, волшебный гербарий Мыслей, — не спеша, разглагольствовал Интеллигент, — живет себе отдельной жизнью и прекрасно обходится без человека... не так ли, господа?

— Скажите уж — некрополь! — хохотнул в ответ Философ. — Толку от нее, от книги вашей. Все равно человечество умней не стало... Вот скажи, ты себя уютно чувствуешь, — обратился он к Цинику, — когда твой хозяин этот самый гербарий в руках держит, а? Чужие мысли не дают?

— Пожалуй... — повел воображаемыми плечами Циник. — Бывает ощущение, будто тебя сначала мелко-мелко шинкуют, затем поливают каким-то суррогатом, грубо перемешивают, а потом снова пытаются слепить, норовя придать прежнюю форму. Бр-р-р... И вот, когда ты вроде бы восстановлен, начинаешь понимать, что это уже не совсем ты — а еще кто-то чужой, инородный тайно обосновался внутри тебя — скользкий и противный. И к нему нужно приспособливаться как-то... А на кой леший, простите, это надо?!

— Отчасти вы, конечно, правы. Чрезмерный приток чужих мыслей посредством чтения, а так же в результате просиживания перед компьютером и телевизором образует в голове наших подопечных *«легкое вавилонское столпотворение и лишает переполненный ими ум ясного взгляда»*, — согласился Интеллигент, с удовольствием процитировав любимого философа.

— Тут я с вами абсолютно согласен, — поддакнул Философ. — Не стоит ради сомнительного удовольствия чтения всего подряд удаляться от созерцания реального мира. Вот я, к примеру, со своим подопечным (надо же: у них уже — не *Хозяин*, а *подопечный*, — с насмешкой отметил про себя Бдительный растущее на глазах самомнение «мудрецов») люблю сидеть у окна и медитировать... глядя на улицу.

— О, вы тоже любите Шопенгауэра? — оживился Интеллигент, уловив в позиции собеседника отзвуки идей выдающегося мыслителя.

— А кто это?..

Повисла неловкая пауза.

— Братья мои! И как не наскучили вам эти мудреные разговоры?! — снова напомнил о себе Крамольник. — А давайте-ка лучше придумаем что-нибудь эдакое — развеселое! Ну, например, возьмем и... перепугаемся!

— Это как же? — моментально оживилась почтенная публика.

— А вот как. Бросим жребий — ну, и кто кому достанется... А когда Они проснутся — о-ой... что будет!..

— Не-е, я не хочу к другому — я к своему привык, я его хорошо знаю, Он жалеет меня и всячески ограждает от интервенции чуждых нам Мыслей.

— Я тоже не хочу!

— А у Моего — жилплощадь большущая, высоченные потолки и чудный вид из окна.

— А Мой-то чудик — только представьте! Сколько раз внула она ему: не суй палец в дырку почтового ящика! Нет — сует! А потом вытащить не может — фаланга застревает. Наконец, выдернет — и матюгается... А через пару дней заходим в подъезд, а он опять, чтоб убедиться в наличии или отсутствии корреспонденции да не перетрудиться, доставая ключик из кармана, опять сует! Бестолочь!

— Да вы что, товарищи, не понимаете, что ли?! Этот провокатор в нашем дружном социуме ссору затеять хочет! — взвизгнул сразу же окрещенный Социалистом. — Бейте его, товарищи!

Реакция Крамольника оказалась молниеносной:

— Ой! Мой хозяин, кажется, проснулся... Мне пора, — и хитрец сорвался с места, ринувшись к лысой, будто отлакированной макушке, поблескивающей в тусклом свете дежурной лампы из-за кресла номер тринадцать.

— Ишь ты, в несознанку ушел, bestия, — прокомментировал событие Бдительный.

— Ага... — зубы нам тут заговаривал, пройдоха, — поддакнул Интеллигент. — И все же хочу сказать, — взялся он продолжить прерванную дискуссию о великом предназначении Мысли, — что именно благодаря нам человечество возвышает свой дух, неуклонно движется вперед и...

— ...И к своей кончине, — живо охладил восторженную тираду коллеги Философ. — А все потому, что у человеческих потребностей нет границ — они бесконечны, как само мироздание. Другое дело — животный мир, который живет в гармонии с окружающей средой, а значит, умней человека, разве не так? А то, подумаешь, в космос Они летают! — вконец распалился Философ. И, переведа дух, проворчал: — Как будто поважней дел не бывает...

И это последнее было расценено образованным Интеллигентом как глумление над научными вершинами человеческой Мысли!

Тем временем автобус подкатил к довольно протяженному участку дороги между лесным массивом и полем, засаженным кукурузой, где уже несколько дней с помощью многочисленной техники производился ремонт покрытия. Объездной путь проходил по узкой петляющей грунтовке. Образовалась пробка, и от медленно ползущих друг за другом машин столбом стояла пыль.

Автобус трянуло, а с улицы в салон ворвался рев работающих отбойников. Пассажиры закричали, зашевелились, стряхивая сон.

— А где это мы, блин... а?! — прокатился по ожившему салону грубый пропи-той голос — кажется, из кресла номер двадцать пять.

Однако наш Философ, увлекшись рассуждениями об окружающем мире, ничего не слышал и уверенно продолжал:

— ...Именно: будто поважней дел нет! А вот ты попробуй мышку поймай! — тогда и посмотрим... — торопливо буркнул он напоследок и нырнул под крышку небольшой плетеной корзины, стоящей на полу у ног худенькой девушки в вязаной кофточке. Там, на дне, на мягкой подстилке, свернувшись калачиком и накрыв широкой лапой приплюснутую морду, еще мгновенье назад сладко урчал, подрагивая во сне ушами, старый-престарый, с поблекшей шерстью, кот.